

научно-практич. конф., посвященной 70-летию ТГПУ им. Л. Н. Толстого и 30-летию факультета технологии, экономики и сельского хозяйства. Часть 1. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2009. С. 75-81.

12. Евтюхин А. М., Бухтияров Ю. Ф., Радченко С. А. Обучение специалистов современным методом экономии энергоресурсов и материалов // Тульский строитель. 1998. № 2. С. 22.

УДК 316.344.3

П.П. Великий, д-р филос. наук,

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр
Российской академии наук», г. Саратов*

ЖИЗНЕННЫЙ МИР РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ: ОТ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ 1990-Х ГОДОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Ключевые слова: рыночный порядок, жизненный мир, сельская молодежь, восходящая мобильность, самоопределение, аграрная реформа, практики

Keywords: market order, lifeworld, rural youth, upward mobility, self-determination, agrarian reform, practices

Аннотация. В работе рассмотрены отдельные аспекты современной сельской жизни, как результата обновления производственных и экономических отношений и частичного подрыва общественных качеств жизненного мира жителей деревни. Показаны перемены трудового и профессионального самоопределения сельской молодежи. На завершающем этапе советской реальности ориентация молодежи на обучение в учебных заведениях за пределами своего района уравнивалась стремлением начать работать в аграрной сфере без специального образования. После введения рыночного порядка в экономике стремление уехать учиться с целью получения профессий, чаще всего не связанных с селом, стало господствующей чертой самоопределения. Рассмотрен комплекс нестыковок социальных и экономических аспектов сельской жизни, предложен вариант механизма восходящей мобильности, утраченной в сельскохозяйственных организациях как результата концептуализации и практик аграрной реформы.

Summary. This paper examines certain aspects of contemporary rural life as a result of the renewal of production and economic relations and the partial erosion of the communal qualities of the villagers' lifeworld. Changes in the labor and professional self-determination of rural youth are shown. In the final

stage of Soviet reality, young people's orientation toward studying in educational institutions outside their home district was balanced by the desire to start working in the agricultural sector without specialized education. After the introduction of the market order into the economy, the aspiration to leave and study for professions -most often unrelated to the village -became the dominant feature of self-determination. The study considers a range of inconsistencies between the social and economic aspects of rural life and proposes a mechanism for upward mobility -a mechanism that has been lost in agricultural organizations as a result of the conceptualization and practices of agrarian reform.

Философская истина о том, что содержание объекта не меняется моментально вслед за изменением формы, как следовало ожидать, подтвердилась на примере аграрной реформы и пореформенного времени в России. Сразу же после объявления о переходе сельскохозяйственного производства в новые уклады (корпоративно-долевой, фермерский и артельный (колхоз)), сразу же прекратились устоявшиеся прежние связи со всеми организациями, внешней поддержкой банка, кооперации, отраслевых органов государственной власти. Попытки директивно преобразовать колхозы и совхозы в новые уклады в течение трех месяцев по указу президента Б.Н. Ельцина³ тоже не дали позитивных результатов, поскольку стало невозможно платить работникам зарплату. Наиболее добросовестные постколхозники приходили в правление с просьбой дать им работу даже без опыта. В дальнейшем, при создании хозяйств фермерского и акционерного типа, имущество колхозов и совхозов было разделено между узким кругом (или переходило одному, бывшему руководителю), а земля была «начислена» основной массе экс-колхозников в виде паев, которые хоть и не были натурализованы (в рамках местоположения и границ), но их можно было сдавать в аренду. Эта операция с землей получила в публичной и научной печати самые нелестные оценки - «виртуальная собственность». Однако, будучи институционально определённой, она оказалась фактически единственным «рычагом» сопричастности сельской семьи с хозяйственной организацией, а для старшего поколения - весомым источником выживания.

Рыночно ориентированная экономика начала управлять и структурой аграрного производства. В новой ситуации наиболее быстрый оборот капитала старая колхозная многоотраслевая структура не обеспечивала, и подавляющее большинство хозяйств новых укладов перешли на растениеводство. Там, где многоотраслевое хозяйство обслуживали все трудоспособные люди деревни, сейчас хватило бы одной полеводческой бригады

³ Указ Президента Российской Федерации от 27.12.1991 г. № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР».

или полсмены животноводов (если оно все-таки не было ликвидировано). То есть всему сельскому сообществу стало необходимо искать перспективы устойчивого выживания в других местах. По данным З.И. Калугиной, только из сибирских регионах выбыло 1,5 млн. селян именно из-за перспектив безработицы [1].

Многие жители села, оставаясь зарегистрированными в сёлах, по факту годами трудятся в удаленных городах, поэтому и реальные трудовые ресурсы, и сама численность сельского населения нуждаются в статистической коррекции: 27% сельского населения в стране уже давно нет. Это можно было бы оценить с точки зрения реализации важнейшей ценности человека - свободы. Но это односторонняя оценка: многочисленные факты поиска возможностей трудоустройства за пределами своего (или хотя бы территориально близкого) села – это свидетельство отсутствия общехозяйственного равновесия. Ведь субъекты хозяйствования в агросфере - не только формальные организации (ООО, фермеры), но и каждая семья, ведущая семейное хозяйство (ЛПХ) – находятся в крайне неравновесном состоянии. Организационно - производственная структура ЛПХ, сложившаяся на начальном этапе аграрной реформы, не предусматривает концептуально и практически не реализует такую важнейшую для человека ценность как идентичность и восходящая мобильность. Эта тема особенно актуальна для молодежи, которой не с кем себя сопоставлять в сельской местности и находить профессиональную идентичность.

Воспроизводство кадров в сельском хозяйстве даже в годы относительного спокойного функционирования советских аграрных предприятий носило множество противоречий. Так, считалось большим достижением для руководителей колхозов/совхозов и местной школы, когда выпускники средней школы при выборе специальности и получении образования ориентировались на аграрную работу в своих селах. Предполагалось, что они будут повышать образование заочно.

Выбор профессии сильно зависел от статуса и социального положения родителей, в основном специалистов. Родители, работники физического труда разной специализации, в большей мере прививали своим детям желание обучаться в вузах (техникумах) на специальностях, распространенных в сельском хозяйстве. Например, 27,4 % детей механизаторов и животноводов ориентировались на профессию агронома, 18,5% - зоотехника. Стать механизатором, как и их отец, предполагали 14,4-15,0% детей. При этом, чем выше был статус родителей, тем более они ориентировали своих детей получать профессию, не связанную с сельским хозяйством. Так, механизаторы более высоко оценивали аграрные специальности и желали их своим детям (27,4%); специалисты–технологи значительно ниже [2].

Хотя приведенные выше данные о выборе перспектив профессиональной занятости взяты из реалий исторически ушедшего социально-экономического порядка в АПК, но это не исключает возможности их использования в наши дни. Во-первых, в настоящее время в России крупномасштабные формы трудовых коллективов сельского хозяйства стали редкостью (исключая агрохолдинга). Крупный рогатый скот остался в основном, на сельских подворьях. Матерям, имеющим опыт обслуживания двух-четырех коров в своем сарае, трудно объяснить дочке, выбирающей профессию, достоинства труда доярки на большой ферме. Во-вторых, в силу более высокой информационной компетенции выпускники сельских школ в выборе профессии в основном соотносятся не с потребностями региона в кадрах (их места рождения), а с тем, сможет ли семья вынести расходы по их обучению. Кстати, на первоначальном этапе аграрной реформы родители-фермеры, идя навстречу своим чадам, сами себе поставили препятствие, чтобы фермерство было для них перспективным делом. Дети, став юристами и экономистами (наиболее популярные профессии начала 2000-х годов), в лучшем случае обещают постаревшим родителям управлять фермерским хозяйством из города, где они укоренились. Но из этих благих намерений, как правило, ничего хорошего не происходит. Родители-фермеры разоряются, их земли уходят в средние и крупные фермерские хозяйства, что подтверждается и данными органов статистики.

Проблема профессиональной мобильности работника обсуждается в зарубежной социологии. J.L.Spath предложил учитывать разделение труда по критериям умственной составляющей в различных выполняемых операциях, и по устойчивости положения [3]. Суть кратко заключается в том, что вместе с увеличением сложности выполняемых операций должна проходить дифференциация профессиональных полномочий. Деятельность каждого индивида в зоне его ответственности в производительном процессе оценивается по таким показателям: общий образовательный уровень, сложность дела, доход, престиж профессии (специальности), стабильность места работы (высокий, средний, низкий). Если индивид попадает по показателям в высшую, среднюю или низшую группу, его престиж и социальный статус поддерживается (или стимулируется к повышению) администрацией и общественными организациями. Например, он может занять должность, включающую управленческие функции на своем предприятии или переместиться в другие места (регион своей страны или за границу). Рассмотренная выше методика включает значительное число параметров, и в перспективе её следует адаптировать в российских реалиях.

В АПК такая методика пока не применяется в связи с отсутствием четкого «прикрепления» работника к одному виду работ: сегодня он тракторист, завтра комбайнер или ремонтник техники. Основным показателем его профессионализма остается присвоение классности и, соответственно, доплата 10-20% к зарплате, но этот подход к стимулированию творческого человека недостаточен.

Российская деревня адаптировалась к новому социально-экономическому строю и выполняет свои функции в части выработки аграрного продукта, сохранения ландшафтов и облика территорий. Вместе с тем, весь пореформенный период (более 30 лет) сохраняются и в чем-то усиливаются издержки. Часть из них связана с нестыковкой НТП и социальных параметров повседневной жизни сильных сообществ. Другая часть их задана первоначальным этапом аграрной реформы, включавшим немало хаотических моментов. Главнейшим из них является распределение материальных ресурсов колхозов и совхозов, которые попали в руки субъектов, усвоивших практики «экономики дефицита», которая была присуща хозяйствованию в завершающий период советского социализма (Я. Карнаи).

Но многие издержки заложены концептуально, в первую очередь социальные, которые не знала советская деревня, стали реальностью: сузились горизонты занятости, разрушен механизм восходящей мобильности, деформировалась социальная структура, в которой сформировалась небольшая группа богатых при низком уровне материального достатка подавляющей части сельского социума.

При этом значительная часть жителей села не теряет оптимизм. По данным социологических исследований, 35,2% молодежи села выражает желание остаться работать на земле, 14% хотели бы использовать компромиссный вариант (жить в селе, работать в городе) [4]. У большей части остальных господствуют эпизодические смыслы: «если что-то изменится в лучшую сторону - останусь, нет – уеду». Даже такую противоречивую любовь перспективных групп сельчан к деревне можно укрепить ответственной аграрной политикой.

Список использованной литературы

1. Калугина З.И. Рыночная трансформация аграрного сектора России: Социологический дискурс. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2015. – 342 с.
2. Крапивенский С.Э. Сельскохозяйственный коллектив как объект социального планирования / С.Э. Крапивенский, С.М. Дементьев, В.Ф. Крамарев. – М.: Мысль, 1981. – С. 84.
3. Spath J.L. Vertical differentiation among occupations // American sociological review. 1979. N44 (October), p. 746-762. <https://doi.org/10.2307/2094526>
4. Смыслы сельской жизни. (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. – 368 с.